
А.В. Колосов

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В МЕЗОЛИТЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Верхнее Поднепровье географически охватывает восточные районы Витебской, Могилевскую и Гомельскую области Республики Беларусь и западные районы Смоленской области Российской Федерации. Эта территория характеризуется разветвленной системой притоков верховьев Днепра, среди которых наиболее крупные реки Сож, Беседь, Березина, Друть, Ипуть, Остер. История изучения мезолита Верхнего Поднепровья своими корнями уходит в конец XIX — начало XX в. (Беляшевский, 1889. С. 443–444; Данилевич, 1895. С. 12–19; Романов, 1908. С. 65–110; 1910. С. 97–128; 1912. С. 33–63). Она ознаменовалась открытием серии мезолитических стоянок в междуречье Днепра и Сожа, заложившим основы отечественного мезолитоведения. Существенный вклад в развитие представлений о среднем каменном веке Верхнего Поднепровья внесли Н.Ф. Беляшевский, В.Е. Данилевич, Е.Р. Романов, А.Н. Лоначевский, К.М. Поликарпович, А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя, С.С. Шутов, С.А. Дубинский, В.Д. Будько, В.Ф. Исаенко, И.М. Тихоненков, В.Ф. Копытин, Е.Г. Калечиц, В.П. Ксензов и О.Л. Липницкая.

В процессе многолетних работ была создана прочная база источников, в интерпретации которых, начиная с 1970-х гг., произошел существенный сдвиг. Широкомасштабные раскопки мезолитических па-

мятников в 1970–1990-е гг. позволили отечественным исследователям поставить вопрос о культурном своеобразии мезолита Восточной Беларуси (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999; Ксензов, 1988; 2006). Однако в процессе обобщения материалов в конце 1980 — начале 1990-х гг. обнаружился ряд проблем, касающихся прежде всего генезиса и хронологии мезолитических памятников, поиска возможных путей освоения бассейна Днепра и его притоков на рубеже плейстоцена — голоцена, решения вопросов культурных контактов древнего населения.

До недавнего времени эпоха мезолита Верхнего Поднепровья рассматривалась в контексте материалов двух-трех археологических культур. В мезолитоведении этого региона сложились две наиболее устойчивые схемы интерпретации источников, которые на протяжении 1980–1990-х гг. давали возможность исследователям решать актуальные проблемы происхождения и развития культур каменного века в Восточной Беларуси. По мнению В.Ф. Копытина и Е.Г. Калечиц, в финальном палеолите и раннем мезолите (этот этап датировался 10–8 тыс. л. н.) на территории Верхнего Поднепровья обитало население двух культурных групп — гренской и свидерской (Калечиц, 2003. С. 54–72; Копытин, 1992. С. 27–47). К числу гренских раннемезолитических памятников относились

стоянки Гренск, Дальнее Лядо, Лудчицы, Могилевская (Копытин, 1992. С. 32–47). Сви́дерским памятником раннего мезолита считалась стоянка Баркалабово (Там же. С. 30–31). На позднемезолитическом этапе (8–6 тыс. л. н.) в результате слияния гренских и сви́дерских традиций кремнеобработки формируется своеобразная локальная культура, получившая у В.Ф. Копытина название «сожская» (Там же. С. 48–58). Специфика сожских древностей доказывалась материалами стоянок Береговая Слобода, Глыбовка (Бабулин Бугор), Горки, Журавель, Клины, Нераж, Новые Громыки (Аврамов Бугор), Новый Быхов (Калечиц, 1987. С. 16–30; 2003. С. 58–72; Копытин, 1992. С. 48–58).

Определенную позицию в отношении интерпретации источников по мезолиту Верхнего Поднепровья занял В.П. Ксензов (1988; 1997. С. 5–20; 2006). Культурное своеобразие эпохи подчеркивалось материалами выделенной им днепро-деснинской культуры (Ксензов, 1988. С. 61–86; 1997. С. 15–20; 2006. С. 40–59). Ее генезис, как считал исследователь, был результатом контактов населения двух финальнопалеолитических культур — лингбийской и сви́дерской. В своем развитии днепро-деснинская культура прошла два этапа: раннемезолитический (10–8 тыс. л. н.) и позднемезолитический (8–7 тыс. л. н.). Хронологическим репером для такой периодизации послужило широкое распространение в поздних днепро-деснинских комплексах разнообразных ланцетовидных изделий и геометрических микролитов (трапеций) (Ксензов, 1997. С. 15–20; 2006. С. 53–56). Мезолитом В.П. Ксензов датировал памятники гренской культуры и отдельные местонахождения кудлаевской (Криничная, Речица II) и яниславицкой (Городок IV, Красновка IБ, Старая Лутава) культур (Ксензов, 1988; 2006).

Таким образом, в рассуждениях исследователей наблюдалась попытка обоснования культурной специфики мезолита Верхнего Поднепровья, которая выражалась в идее аккумуляции традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызывало некоторые недоразумения: перед нами

два или одно культурное явление, которое фигурирует под разными названиями? Неясным оставалось также и то, данные какой из этих культур — сожской или днепродеснинской — могли объективно отражать процесс адаптации мезолитического населения на территории Верхнего Поднепровья в начале голоцена?

Одной из главных причин сложившейся ситуации являлось (и является до сих пор) отсутствие памятников, обеспеченных данными естественных наук. Культурный слой большинства мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья залегает в песчаных отложениях, не имеет выраженной окраски и плохо сохраняет вещества органического происхождения. Понятие «культурный слой» в данном случае является весьма условным и определяется по уровню вертикального распространения находок в подзолистом и иллювиальном литологических горизонтах.

Следовательно, основными источниками по мезолиту Верхнего Поднепровья по-прежнему остаются коллекции кремневого инвентаря, большая часть которых получена путем поверхностных сборов и имеет в своем составе разновременные находки. Составляющей базой их анализа являлись методы сравнительной типологии, а начиная с 1970-х гг., с увеличением количества источников, появилась необходимость в использовании методов статистической обработки и математического моделирования с помощью ЭВМ (Копытин, Морозов, 1995. С. 25–33). Для территории Восточной Беларуси статистический анализ массового материала успешно применялся В.Ф. Копытиным (Копытин, Морозов, 1995. С. 25–33). Теперь становится понятным, что присутствие нестратифицированных памятников на территории Верхнего Поднепровья осложняет культурно-хронологическую интерпретацию, основанную только на статистическом обобщении всех материалов в пределах одного или нескольких раскопов. Стратегия источниковедческого изучения должна быть направлена на доказательство или отрицание факта пригодности материалов, обеспечение высокого методического уровня их исследования, с учетом всех данных о памятнике, об условиях получения материалов и их сохранности.

Впервые о необходимости критического отношения к источникам по мезолиту Верхнего Поднепровья заговорил А.А. Формозов (1977. С. 5–14), обосновавший свои выводы материалами Гренской стоянки в бассейне р. Сож. Создание широкой источниковедческой базы в 1970–1980-е гг. и усложнение представлений о развитии мезолитических культур Восточной Европы, основанных на использовании более совершенных методов исследования памятников, позволили обратиться к вопросу о состоянии накопленных материалов и определить возможность их использования для решения культурно-хронологических проблем мезолита конкретной территории. В конце 1980-х — 1990-е гг. в литературе появилось мнение о возможной смешанности и статистической непригодности коллекций отдельных мезолитических памятников Восточной Беларуси (Калечиц, 1987. С. 118; Кравцов, Сорокин, 1991; Копытин, 1992. С. 47; Ксензов, 1994а. С. 70; 1994б. С. 16; 2006. С. 51; Залізняк, 1999. С. 73, 218). В этот список первоначально попали стоянки Речица II, Рекорд и Гренская, в коллекциях которых было отмечено наличие синкретических, механически смешанных, комплексов. Присутствие в кремневом инвентаре разновременных примесей, особенно эпохи неолита и бронзового века, которые вычленились типологически, не исключало для стоянок Аврамов Бугор и Бабулин Бугор в бассейне р. Беседь (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 16; Ксензов, 1994а. С. 70; 2006. С. 51; Сорокин, 2002. С. 125, 141).

Для мезолита Верхнего Поднепровья отношение к источнику сегодня складывается в двух диаметрально противоположных направлениях. Одно из них, как отмечалось ранее, допускает вариант возможной аккумуляции древнего населения в результате их контакта в пределах конкретной территории (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999. С. 256–266; Ксензов, 1988; 1994б; 1997. С. 5–20; 2006). В этом случае полученные в процессе раскопок материалы характеризуются как единый комплекс, независимо от масштабов исследованной площади памятника.

Второй подход предполагает наличие механически смешанных коллекций; для доказательства его правомерности присутствие

«гибридных форм и технологий» в комплексах с поликультурными признаками отрицается. Сторонник этого взгляда А.Н. Сорокин выделяет на территории Верхнего Поднепровья стоянки, которые, с одной стороны, в источниковедческом отношении являются «чистыми», без инокультурной примеси, с другой — демонстрируют пример смешанности находок (Сорокин, 2002. С. 125–126). К первой группе памятников он относит «чистые» свидерские и аренсбургские комплексы (Боровка, Журавель), к другой — коллекции стоянок Аврамов Бугор и Бабулин Бугор, Гренская, Коромка и, возможно, Горки, которые признаются смешанными (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 16; Сорокин, 2002. С. 125, 141).

Анализ коллекций отдельных мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья (в первую очередь бассейна р. Сож) показал, что основная их часть включает механически смешанные разнокультурные комплексы каменного и бронзового веков. Новые материалы, полученные автором в бассейне Верхнего Днепра и Сожа, позволяют выразить свой взгляд на проблему культурного своеобразия эпохи мезолита рассматриваемой территории (Колосов, 2005. С. 8–14; 2008. С. 23–31). Не отрицая возможности культурных контактов мезолитического населения, на данном источниковедческом уровне у нас не имеется реальной доказательной базы, которая бы позволила говорить о слиянии традиций в процессе формирования отдельных локальных культур, таких как сожская или днепро-деснинская (Колосов, 2005. С. 8–14). Становится очевидным, что в материалах этих культур не имеется каких-либо специфических типобразующих признаков, которые могли бы характеризовать своеобразие мезолита Верхнего Поднепровья. Конгломерат кремневых комплексов сожской и днепро-деснинской культур является результатом механического смешения разнокультурных материалов, представленных в достаточно широком хронологическом диапазоне — от финального палеолита до эпохи бронзы включительно.

Дискуссионным остается вопрос и о хронологической принадлежности отдельных памятников гренской и свидерской культур к мезолитической эпохе. Основная часть грен-

ских стоянок концентрируется на территории Верхнего Поднепровья и Посожья (Боровка, Веричев, Вишенька, Гренская, Дальнее Лядо, Коромка, Лудчицы, Могилевская, Орша, Хвойная, Поклады и др.) (Копытин, 1992. С. 11–27, 32–47; Колосов, 2008. С. 24; 2009. С. 41; Ксензов, 1988; 2006. С. 16–39). Комплексы с асимметрично-черешковыми наконечниками стрел известны также среди памятников Волго-Окского междуречья, где они связываются с древностями иеневской культуры (Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2004. С. 76–78), бассейна р. Десна (песочноровская культура) (Зализняк, 1999. С. 96–101; 2005. С. 55–62) и культур Севера Европы (фосна и комса) (Зализняк, 2005; Taute, 1968; Kozlowski, Kozlowski, 1975). В последнее время наконечники гренского типа обнаружены в материалах отдельных стоянок в междуречье Припяти, Немана и Вислы (Обуховский, 2007. С. 157–161; Szymczak, 1995. S. 70; Sulgustowska, 2005. S. 123–133).

Для гренской культуры характерно монофронтальное скалывание заготовок, преимущественно с одноплощадочных нуклеусов, морфология которых была подчинена форме и размерам исходного сырья. Предпочтение отдавалось конкрециям овально-уплощенной формы, размеры которых соответствовали 50–80 мм длины, 30–40 мм ширины и 20–40 мм толщины. В качестве заготовки для орудий труда использовались отщеп и пластина неправильной огранки, которые получали в технике твердого удара. Во вторичной обработке гренским населением широко применялось крутое и полукрутое ретуширование заготовки, направленное на изменение ее формы, техника резцового скола и оббивка. Наконечники стрел представлены двумя основными формами: асимметричными с боковой выемкой и черешковыми. Перо черешковых наконечников имеет естественное, без дополнительной обработки, окончание либо скошено полукрутой ретушью и, в отдельных случаях, дополнительно подправлено резцовым сколом.

Большинство специалистов по финальному палеолиту и мезолиту Восточной Европы видит в гренских древностях прямого генетического предка населения иеневской культуры междуречья Волги и Оки и песоч-

норовской Средней Десны (Зализняк, 2005. С. 44–51; Копытин, 1992. С. 46). На фоне этих родственных культур гренская представляется наиболее ранней, по времени относящейся к финальному палеолиту. Процесс распространения в Верхнем Поднепровье культуры асимметрично-черешковых наконечников стрел с боковой выемкой, очевидно, приходится на поздний дриас (10,8–10,3 тыс. л. н.), что согласуется с результатами естественнонаучных датировок отдельных иеневских памятников и стратиграфией стоянки Хвойная (Копытин, 1992. С. 25–27; Kravtsov, 1999. P. 272–279). Отсутствие в составе кремневого инвентаря гренской культуры геометрических микролитов (трапеций, треугольников и сегментов) отражает, с одной стороны, специфику этого культурного явления на фоне песочноровских и иеневских древностей, где подобного рода находки достаточно широко распространены, с другой — является хронологическим показателем (Зализняк, 2005. С. 55–62; Сорокин, 2004. С. 74–78). С учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре относится ко второй половине пребореала — началу бореального времени (Kravtsov, 1999. P. 272–279; Сорокин, 2004. С. 77–78). К таким же выводам приходит и Л.Л. Зализняк, характеризуя материалы песочноровской культуры (Зализняк, 2005. С. 60–62). Если признать логику таких хронологических построений, то следует согласиться: либо песочноровско-иеневские комплексы с геометрическими микролитами возникли значительно раньше, и тогда выводы А.Н. Сорокина о необходимости удревнения иеневской культуры верны (Сорокин, 2004; 2006; 2008), либо гренское население продолжало обитать в начале мезолитического времени. В этом случае необходимо признать справедливым гипотезу Л.Л. Зализняка о генетической роли памятников типа Боровка раннего пребореала в формировании песочноровской культуры (Зализняк, 2005. С. 62).

Памятники еще одной культуры — свидерской — на территории Верхнего Поднепровья ранее были известны в трех пунктах — Яново I и II и Баркалабово (Копытин, 1992. С. 27–31; 1999). Материалы Яновских стоянок, по данным В.Ф. Копытина, датиро-

вались финальным палеолитом; стоянка Баркалабово по времени относилась к раннему мезолиту. Таким образом, отмечалось, что в финальном палеолите — раннем мезолите отдельные группы свидерских охотников достигли правобережья Верхнего Днепра, а их расселение сдерживалось проживанием здесь автохтонного населения гренской культуры (Ксензов, 1997. С. 5–15). Однако в последнее время материалы свидерской культуры были обнаружены и в Посожье (Колосов, 2008в. С. 24–25; 2009. С. 39–41), что позволяет расширить представления о среде обитания свидерского населения и признать факт малочисленности или полного отсутствия свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси.

Техника расщепления кремня на свидерских стоянках в Посожье характеризуется односторонним параллельным снятием пластинчатых заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, которые имеют тщательно оформленные боковые стороны и контрфронт. Среди наконечников стрел выделяются изделия черешковых форм, имеющих плоскую вентральную обработку насада. По способу оформления пера выделяются наконечники, сохраняющие естественные очертания дистального конца заготовки. Острия отдельных экземпляров подправлены мелкой дорсальной ретушью. В некоторых случаях перо наконечников дополнительно обработано фасетками плоской ретуши со стороны брюшка. На стоянке Горки обнаружены также черешковые наконечники стрел со скошенным пером (тип Смячка XIVA).

Схожие черты, особенно в предметах вооружения, материалы посожских стоянок имеют со свидерскими памятниками финального палеолита Восточного Полесья, а также среди свидерских стоянок Литвы позднего дриаса — начала пребореального времени (Зализняк, 2005. С. 51–55; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986. С. 83–105; Римантене, 1971. С. 39–61, 85–89; Šatawičius, 2005. P. 159–162). Находки отдельных наконечников стрел позднесвидерских форм (Борисовичи, Горки), а также единичных трапеций (Баркалабово, Горки), допускают возможность обитания

свидерского населения в Посожье в начале голоцена.

В свете новых данных можно констатировать, что мезолит Верхнего Поднепровья проявляет культурное многообразие. На данном источниковедческом этапе можно выделить несколько групп мезолитических памятников. Среди них определенным интерес вызывают материалы песочноровской культуры, обнаруженные в поверхностных сборах Е.Г. Калечиц на разновременных стоянках Романовичи и Калинино (Чурилово) в бассейне р. Сож (рис. 3, з, д, 1–13). Кремневый комплекс этих поселений представлен одно- и двухплощадочными нуклеусами, с которых скалывали отщепы и пластинчатые отщепы в технике твердого удара, в результате чего сколы имеют выраженный ударный бугорок и характеризуются определенной аморфностью форм. Среди многочисленных изделий с вторичной обработкой типичными для песочноровской культуры являются находки высоких симметричных и асимметричных трапеций, которые дополняются асимметрично-черешковыми наконечниками стрел с боковой выемкой и черешковыми наконечниками стрел на пластинчатых заготовках (рис. 3, 1–7). К песочноровскому комплексу находок можно отнести также серию крупных пластин со скошенным концом и треугольники (рис. 3, 8–13).

Определить точное время появления песочноровских стоянок в Нижнем Посожье по-прежнему не представляется возможным. Не исключено, что отдельные группы песочноровского населения продолжали существовать в бассейне р. Сож в начале мезолитической эпохи. По данным Л.Л. Зализняка, распространение песочноровских комплексов с трапециями и вкладышами алтыновского типа приходится на вторую половину пребореала — бореальное время (Зализняк, 2005. С. 62). Аналогичным образом датируются иеневские комплексы, начало появления геометрических микролитов в которых относится к концу VIII — началу VII тыс. до н. э. (Kravtsov, 1999. P. 272–279). Хотя следует отметить и четко обозначившуюся в последнее время тенденцию к их значительному удревнению (Сорокин, 2006; 2008).

В первой половине 1990-х гг. в бассейне р. Сож стали известны памятники так называемой бутовской культуры (Копытин, 1995. С. 3–13; Колосов, 2007. С. 154–156; 2008б. С. 44–62), обоснованно переименованной недавно в заднепилевскую (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Среди её посожских памятников в настоящее время следует назвать стоянки Дедня, Криничная, Рудня I (Климовичский р-н), Коробчино, Горки, Гренск, Присно (Однополье), Пролетарский (ур. Попово), Устье II (рис. 1). Отдельные из них исследованы путем раскопок — Дедня (408 м²) и Криничная (406 м²); материалы с остальных происходят из разновременных комплексов, полученных в итоге стационарных работ (Горки, Рудня I, Устье II), или представлены немногочисленными находками из поверхностных сборов — Коробчино, Гренск, Присно (Однополье), Пролетарский (ур. Попово). Стоянки приурочены к первым надпойменным террасам или их останцам, отдельные из них расположены в местах выхода сожского мелового кремня (Горки, Криничная, Рудня I). Культурный слой памятников залегает в иллювиальных отложениях на глубине 0,2–0,5 м и стратиграфически не выражен.

Производственный комплекс ряда стоянок (Дедня, Коробчино) базируется на использовании импортного полупрозрачного кремня серого или темно-серого цвета, покрытого тонкой и гладкой желвачной коркой. В отдельных случаях сырье имеет пятнистую структуру и сохраняет на поверхности следы легкой патины голубого цвета. В качестве заготовок для орудий использовались регулярные отжимные пластины, полученные с одноплощадочных нуклеусов конической формы (рис. 1, 46–49). Индекс пластинчатости этих памятников достаточно высок и, например, для коллекции стоянки Дедня составляет 1,3, а для орудий труда — 13,7.

Изделия с вторичной обработкой представлены несколькими морфологически устойчивыми категориями, которым присуща определенная стандартизация форм заготовок. Наиболее выразительную серию образуют резцы, которые представлены преимущественно экземплярами на сломе заготовки (рис. 1, 26–37). Комплекс находок дополняют вкладышевые изделия из медиальных сече-

ний пластин, сохраняющих фасетки краевой нерегулярной полукрутой ретуши, в том числе образовавшейся в результате утилизации. Концы отдельных вкладышей на месте слома подправлены плоскими поперечными микрорезцовыми снятиями (Дедня, Рудня I, Устье II). Группа микролитов включает микропластины с притупленным краем и средневысокие трапеции (Криничная, Рудня I) (рис. 1, 11–25). Наконечники стрел представлены черешковыми изделиями (рис. 1, 1–10), отдельные из которых обработаны плоской встречной ретушью со стороны брюшка. Имеются наконечники с четко выделенным черешком, который ограничен зубцами с двух сторон и подправлен плоской вентральной ретушью (рис. 1, 9–10). Перо таких наконечников на треть или половину длины заготовки также обработано фасетками встречной плоской ретуши со стороны брюшка. По морфологии предметы этой группы напоминают наконечники типа Пулли (Янитс, 1990. С. 20; Ostrauskas, 2002. P. 93–106).

Интересные данные получены по хозяйственно-бытовой структуре исследованных заднепилевских памятников в Посожье (Колосов, 2007. С. 154–156; 2008б. С. 44–45). На стоянке Дедня в 2006–2007 гг. изучены остатки жилищного комплекса, представляющего собой подовальное скопление нескольких линз темно-серого песка, общей площадью до 78 м² (Колосов, 2008б. С. 44–45). Объект был углублен в материк на 0,20–0,45 м и, видимо, мог представлять собой остатки жилой постройки в виде чума или яранги, известных по этнографическим материалам народов Крайнего Севера. Планиграфические наблюдения показывают заметную концентрацию находок в пределах исследованного объекта. Визуально выделяются несколько скоплений и микроскоплений кремневых артефактов, отдельные из которых, судя по орудийному составу, связаны с местом разделки охотничьей добычи.

По аналогии со стоянками Волго-Окского междуречья (Сорокин, 1990, 2004, 2006, 2008; Кольцов, Жилин, 1999. С. 7–16, 26–29, 36, 93–95, 109–112, 120–121; Сорокин и др., 2009), кундской Восточной Прибалтики (тип Пулли) (Ксензов, 2001. С. 20–35; Ostrauskas, 2002. P. 93–106) и культуры Веретье на севере Вос-

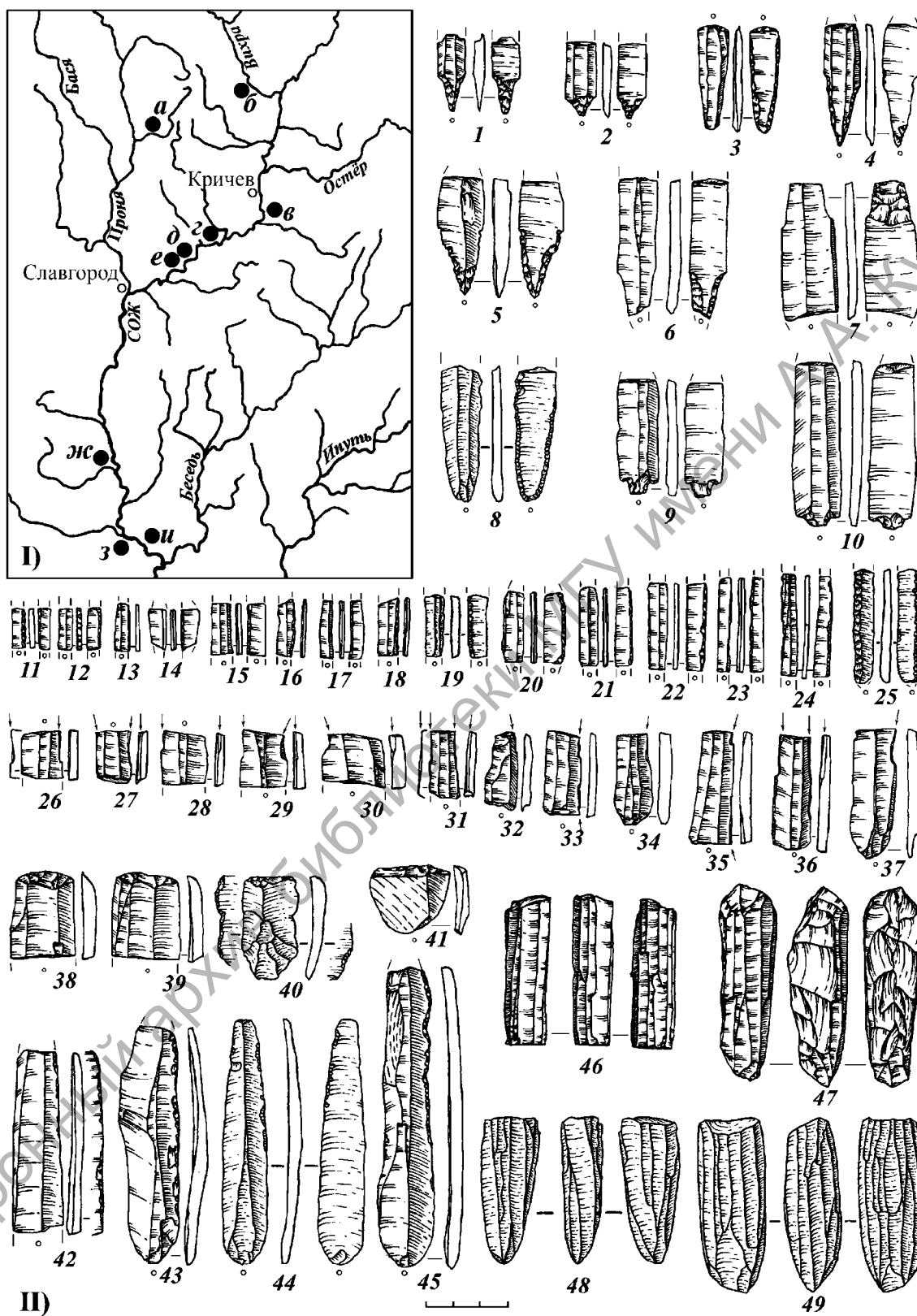

Рис. 1. Заднепелевская культура в бассейне р. Сож:

I) памятники: а) Дедня; б) Коробчино; в) Рудня I; г) Устье II; д) Горки; е — Криничная; ж) Гренск; з) Присно (Однополье); и) Пролетарский (Попово); II) кремневый инвентарь стоянки Дедня.

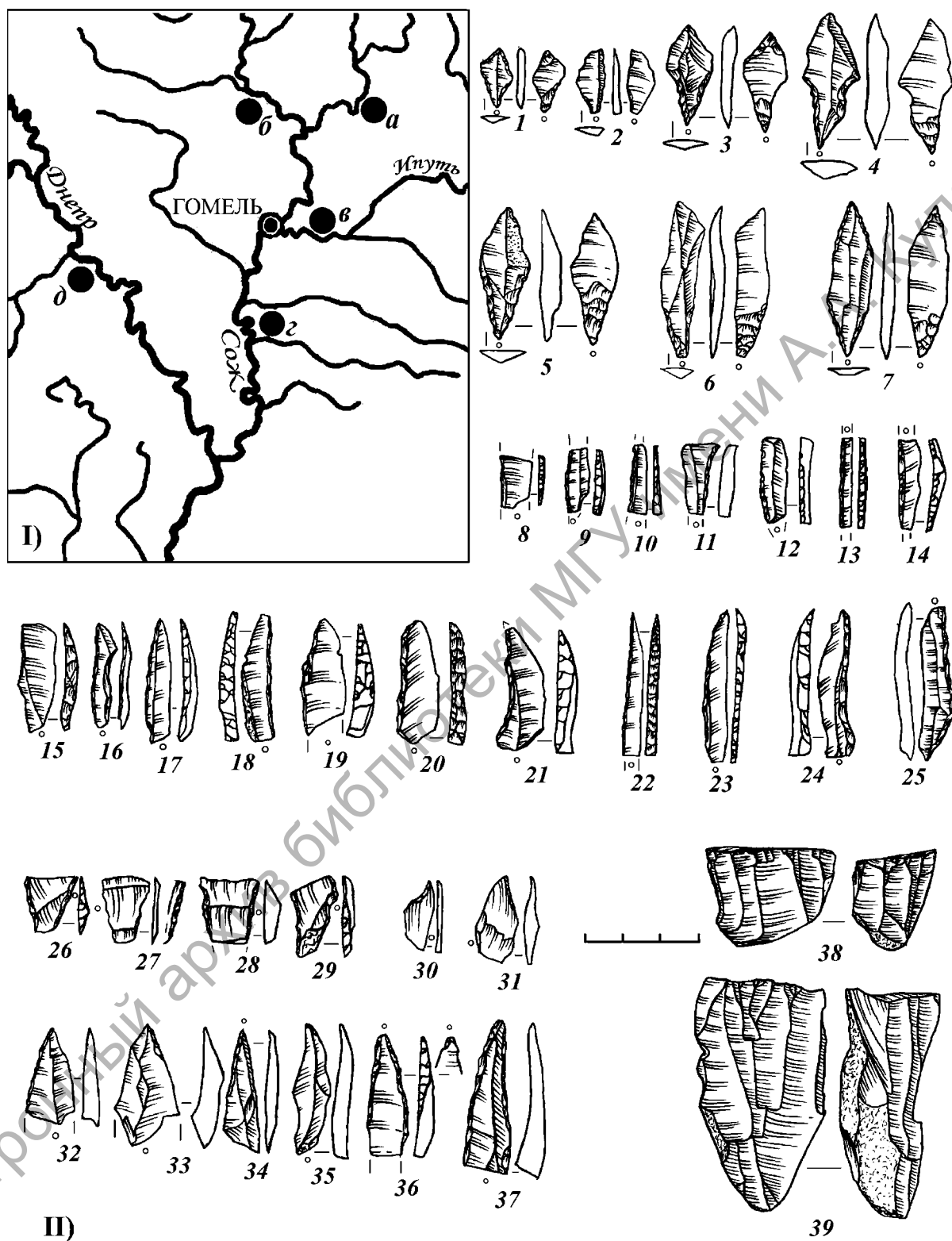

Рис. 2. Кудлаевская культура на территории Верхнего Поднепровья:
 I) памятники: а) Новые Громыки (Аврамов Бугор); б) Присно (Старое Однополье); в) Романовичи;
 г) Новые Терешковичи (Крыга); II) кремневый инвентарь стоянки Новые Громыки
 (Аврамов Бугор)

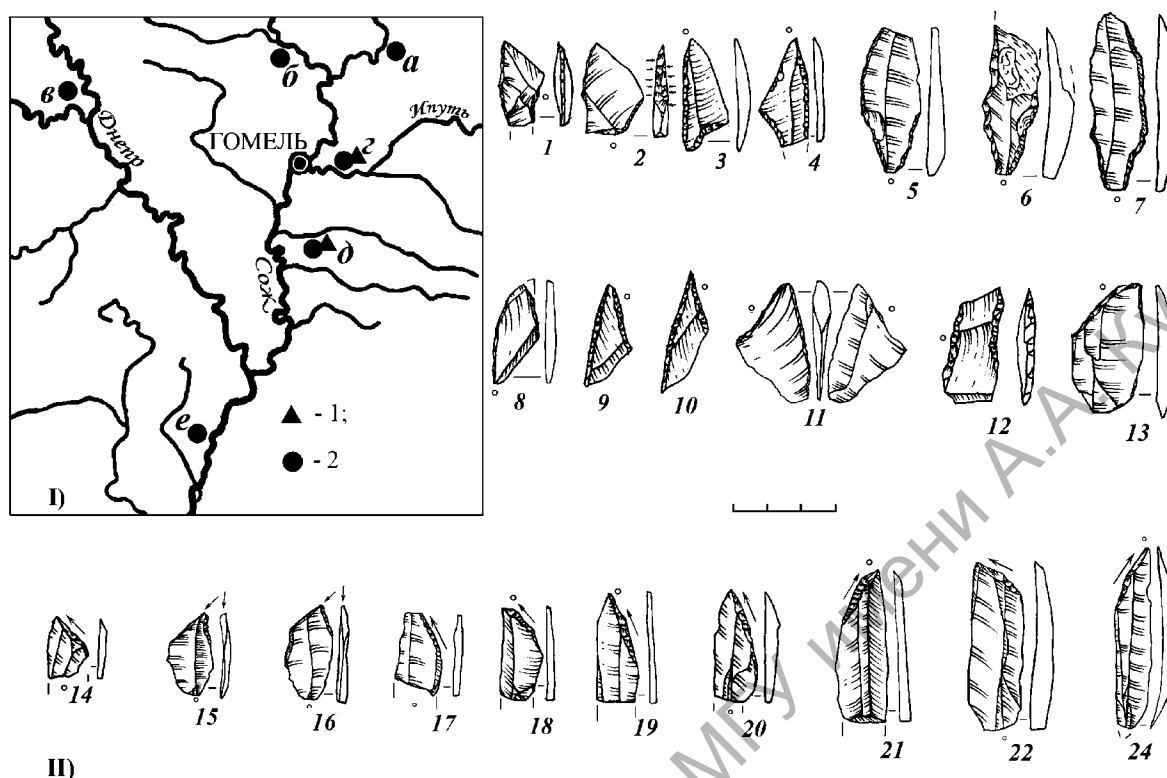

Рис. 3. Песочноровская культура и местонахождения с находками яниславицкого типа: I) памятники песочноровской культуры (1) и местонахождения с находками яниславицкого типа (2): а) Глыбовка (Бабулин Бугор); б) Присно (Замостовье); в) Городок IV; г) Романовичи; д) Калинино (Чурилово); II) кремневый инвентарь стоянок Калинино (Чурилово) (2, 5–7, 14, 17), Романовичи (1, 3–4, 8–13, 18–24), Глыбовка (Бабулин Бугор) (15–16)

точной Европы (Ошибкина, 2006. С. 13–26, 59–60, 170, 259, 320) время обитания заднепелевского населения на территории Посожья следует отнести к раннему мезолиту, вероятно, ко второй половине пребореального — началу бореального времени (9,6–8,8 тыс. л. н.). Факт их появления в Посожье может объясняться сезонными миграциями мезолитического населения из Волго-Окского междуречья, которое первоначально шло сюда со своим сырьем и впоследствии адаптировалось к использованию местного кремня (Криничная, Рудня I). На стоянках, расположенных непосредственно возле источников кремневого сырья, старались использовать желваки овально-уплощенной формы или формировали пренуклеус, боковые стороны которого специально выравнивали поперечными сколами. Ударная зона создавалась путем поперечного усечения желвака, с последующей ее подправкой в процессе расщепления. Скалы-

вающая сторона формировалась на узкой торцевой стороне конкреции, при этом боковые плоскости и контрфронт подавляющего большинства нуклеусов (около 80%) оставались неоформленными. Фактор изобилия кремня в бассейне р. Сож и его низкое качество стали причиной выбраковки основной части нуклеусов, оставленных уже на начальной стадии расщепления.

В целом кремневый инвентарь стоянок, расположенных «на сырье», характеризуется низкими индексами пластинчатости. Примером последнего являются материалы стоянки Криничная. Индекс пластинчатости кремневого инвентаря этого памятника составляет всего 0,3; изделий с вторичной обработкой — 0,9. Среди орудий преобладающей категорией являются скребки, и резцово-скребковый показатель на памятнике отрицательный (0,5). Среди других изделий с вторичной обработкой на стоянке Криничная выделяются также

скробачи, скребловидные изделия, ретушные, двугранные и комбинированные резцы, пластинки с притупленным краем, черешковые наконечники стрел, рубящие орудия. находка средневысокой трапеции, типологическое своеобразие коллекции и развитость кремневого инвентаря в целом, — все это позволяет датировать стоянку Криничная более поздним (очевидно, бореальным) временем.

В процессе изучения коллекций посажских стоянок автором были получены новые данные и по кудлаевской культуре (Колосов, 2008а. С. 96–98; 2008в. С. 26–27). На территории Верхнего Поднепровья присутствие памятников этого культурного явления установлено в 1980-е гг. К числу кудлаевских, по мнению Л.Л. Зализняка и В.П. Ксензова, причислялись материалы двух стоянок — Речица II на Днепре и Криничная на Соже (Зализняк, 1991. С. 12–13. Карта 1; Ксензов, 1988. С. 105–110; 1994б. С. 25–26). Однако, как было отмечено выше, культурную принадлежность стоянки Криничная теперь следует рассматривать в контексте традиций кремнеобработки заднепильевской культуры (Колосов, 2007. С. 154–156). А коллекция стоянки Речица II является смешанной, поэтому для решения культурологических проблем региона самостоятельного значения она не имеет. В ней кроме кудлаевских (пластины с притупленным краем, острия типа Ставинога-Кудлаевка, средневысокие и высокие трапеции) имеются находки гренской культуры, выражающиеся наличием ассиметричных наконечников стрел с боковой выемкой (Ксензов, 1988. С. 105–110). Смешанность ее материалов признавал и сам первооткрыватель стоянки — В.П. Ксензов (1988. С. 105–110). Несмотря на это, коллекция рассматривалась им в качестве единой, и служила для характеристики и кудлаевских древностей, и для обоснования позднемезолитического этапа гренской культуры. Хронологическим показателем для гренских материалов являлось наличие в них трапеций и пластин с затупленным краем, которые были известны и в кудлаевском комплексе находок Речицы II.

Среди памятников кудлаевской культуры в Посожье следует назвать стоянку Аврамов Бугор (Новые Громыки), материалы которой ранее относили к сожской позднемезолитиче-

ской культуре (Калечиц, 1987. С. 18–26; 2003. С. 62–63). Памятник открыт в 1977 г. и исследован в 1977–1981 гг. Е.Г. Калечиц на площади 775 м² (Калечиц, 1987. С. 20–26; 2003. С. 62–63). В количественном отношении коллекция кремневого инвентаря стоянки отвечает критерию «достаточности» (нами проанализировано 25502 ед.), однако она лишь условно пригодна для характеристики кудлаевской культуры в Посожском регионе. Эта условность выражается присутствием в материалах памятника многочисленных находок эпохи неолита — бронзового века.

Для характеристики поселенческой структуры кудлаевских стоянок в Посожье заслуживают внимания остатки двух жилищ округлой формы и 24 очажных пятна, обнаруженных в Аврамовом Бугре. Часть из них, по мнению Е.Г. Калечиц, относится к хозяйственным ямам (Калечиц, 1987. С. 20; 2003. С. 62–63). Не исключено, что обнаруженные жилища могут быть мезолитическими, как считает Е.Г. Калечиц, что для реконструкции хозяйственной деятельности населения кудлаевской культуры приобретает свое актуальное значение. Однако жилища округлой формы известны и в неолите (Калечиц, 1987. С. 40–96). Учитывая то, что в коллекции памятника присутствуют материалы неолитического времени, а все находки были распределены равномерно в пределах вскрытой площади, не образуя закрытых комплексов, связать хозяйственно-бытовой комплекс стоянки Аврамов Бугор с конкретным культурным явлением не представляется возможным.

Находки кудлаевской культуры известны еще в трех пунктах Белорусского Посожья — Новые Терешковичи (Крыга) (Паликарпович, 1928. С. 106, 179. Табл. XIX, 15; XLIV, 1–7; 1930. С. 435. Табл. 16, 23), Присно (Замостовье) и Романовичи (рис. 2, 1). Но все они происходят из поверхностных сборов, в которых, кроме кудлаевских, содержатся находки других культур от финального палеолита до эпохи средневековья.

Кремневый инвентарь стоянок кудлаевской культуры в Посожье демонстрирует яркий пример развития микролитойной индустрии, основанной на утилизации монофронтальных одно- и двухплощадочных нуклеусов (рис. 2, 38, 39). Техника расщепления

кремня была направлена на скалывание пластин неправильной огранки, полученных в технике удара с помощью твердого отбойника, в качестве которого могли использоваться кремневые конкреции (Аврамов Бугор).

В технике вторичной обработки на кудлаевских стоянках широко использовались крутое и полукрутое ретуширование заготовки, техника резцового скола и оббивка. Определенное своеобразие кудлаевским комплексам Посожья придают различные по форме и способам изготовления микролиты — пластинки с притупленным краем, острия типа Ставиного-Кудлаевка, высокие и средневысокие симметричные трапеции (Аврамов Бугор и Романовичи) (рис. 2, 8–24, 30–35). В коллекции стоянки Аврамов Бугор единично изделие, напоминающее коморницкий треугольник (рис. 2, 25). Набор охотничьего вооружения дополняется черешковыми наконечниками стрел, отдельные из которых имеют подправку насада и пера плоской ретушью со стороны брюшка (рис. 2, 1–7).

Состояние источников в настоящее время не позволяет с полной уверенностью говорить о хронологии кудлаевских стоянок на территории Посожья, поскольку основная часть коллекций в своем составе содержит смешанные разнокультурные комплексы. Определенное сходство кремневый инвентарь стоянок Аврамов Бугор и Романовичи обнаруживает с материалами таких поселений, как Люботынь III и Кудлаевка, время существования которых, по данным Л.Л. Зализняка, определяется концом бореального — началом атлантического времени (Зализняк, 2005. С. 73–74). Типологический состав коллекций, характеризующихся развитым комплексом микролитов, позволяет условно датировать памятники кудлаевской культуры Нижнего Посожья

позднемезолитическим временем, что не исключает присутствия более ранних кудлаевских комплексов в этом регионе.

В Посожье стали известны также памятники, в материалах которых присутствуют острия и микрорезцы яниславицкого типа (рис. 3, а–е, 14–24). Острия яниславицкого типа обнаружены в коллекциях стоянок Калинино (Чурилово), Романовичи и Присно (Старое Однополье) (рис. 3, 14, 17–24). Два микрорезца яниславицкого типа выявлены среди орудий стоянки Глыбовка (Бабулин Бугор) (рис. 3, 15–16). Ближайшие памятники с находками яниславицкой культуры известны в бассейне р. Припять (рудостровский вариант, по Л.Л. Зализняку, на территории Киевского Полесья) (Зализняк, 2005. С. 82–89). Присутствуют они также в Белорусском Поднепровье на стоянках Красновка IБ, Городок IV, Старая Лутава (Ксензов, 1988. С. 70–79, 114–123). Учитывая немногочисленность находок, происходящих из смешанных коллекций, присутствие яниславицких элементов в Посожье требует специального изучения.

Таким образом, современное состояние источников по мезолиту Верхнего Поднепровья не позволяет признать объективной идею поликультурного синтеза традиций в составе отдельной локальной культуры (например, сожской или днепро-деснинской). Результаты исследования демонстрируют картину сложного и многообразного процесса освоения Верхнего Поднепровья населением разных культур — песочноровской, заднепильевской, кудлаевской, яниславицкой, — существовавших (сосуществовавших) в начале голоцена, что не выходит за рамки современных представлений о развитии культур среднего каменного века лесной полосы Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляшевский Н.Ф., 1891. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам // Киевская старина. Киев. Т. XXXII.

Данилевич В.Е., 1895. Стоянка и мастерская каменного века в Могилёвской губернии, исследованные летом 1893 г. // Киевская старина. Отд. II. Киев.

Зализняк Л.Л., 1991. Население Полесья в мезолите. Киев.

Зализняк Л.Л., 1999. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ.

Зализняк Л.Л., 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України: Культур-

ний поділ та періодизація // Кам'яна доба України. Київ. Вип. 8.

Калечиц Е.Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск.

Калечиц Е.Г., 2003. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск.

Колосов А.В., 2005. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. № 4.

Колосов А.В., 2007. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения-3: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев.

Колосов А.В., 2008а. Древности кудлаевской мезолитической культуры Верхнего Поднепровья // Романовские чтения-4: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 22–23 ноября 2007 г.). Могилев.

Колосов А.В., 2008б. Мезолитическая стоянка Дедня // Acta Archeologia Albaruthenica. Минск. Т. III.

Колосов А.В., 2008в. Финальный палеолит и мезолит Белорусского Посожья // Русский сборник: Тр. кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. ун-та им. И.Г. Петровского. Брянск.

Колосов А.В., 2009. Финальный палеолит и мезолит Посожья: новые данные — новые вопросы // Романовские чтения-5: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 27–28 ноября 2008 г.). Могилев.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья: Памятники бутовской культуры. М.

Копытин В.Ф., 1992. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев.

Копытин В.Ф., 1995. Дедня — новый памятник мезолита в бассейне реки Проня // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Магілёў. Ч. 1.

Копытин В.Ф., 1999. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe. Lublin.

Копытин В.Ф., Морозов Н.П., 1995. Типометрический анализ продуктов расщепления кремня // Гістарычныя лёсы Верхняга

Падняпроўя: Мат. рэг. навук. канф. (Магілёў, 12–13 мая 1994 г.) Магілёў. Ч. 1.

Кравцов А.Е., Сорокин А.Н., 1991. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.

Ксензов В.П., 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск.

Ксензов В.П., 1994а. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 5.

Ксензов В.П., 1994б. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск.

Ксензов В.П., 1997. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. № 1.

Ксензов В.П., 2001. Культура кунда // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 16.

Ксензов В.П., 2006. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. Вып. 13.

Непріна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А., 1986. Памятники каменного века левобережной Украины. Киев.

Обуховский В.С., 2007. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев.

Ошибкина С.В., 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.

Палікарповіч К.М., 1928. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа (па досьледах 1926 г.) // Працы кафедры археалёгіі. Мінск. Т. 1.

Палікарповіч К.М., 1930. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сожа // Працы кафедры археалёгіі. Мінск. Т. 2.

Римантене Р.К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.

Романов Е.Р., 1908. Старина доисторическая Северо-Западного края // Виленский календарь на 1908 г. Вильно.

Романов Е.Р., 1910. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества. Вильно. Кн. I.

Романов Е.Р., 1912. Археологические разведки в Могилёвской губернии // Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества. Вильно. Кн. III.

Сорокин А.Н., 2002. Мезолит Жиздринского Полесья: Проблема историкоэтнографии мезолита Восточной Европы. М.

Сорокин А.Н., 2004. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М.

Сорокин А.Н., 2006. Проблемы мезолитоведения. М.

Сорокин А.Н., 2008. Мезолитоведение Почья. М.

Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В., 2009. На переломе эпох. М.

Янитс К.Л., 1990. Кремневый инвентарь стоянок кундаской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., 1975.

Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa.

Kravtsov A.E., 1999. Concerning the dating of the Yenevo culture // Tanged points cultures in Europe. Lublin.

Ostrauskas T., 2002. Kundos kultūros tyrinėjimų problematika // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 23.

Šatavičius E., 2005. Swidrų kultūra Lietuvoje // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 29.

Sulgustowska Z., 2005. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dzwinią i górnym Dniestrem. Warszawa.

Szymczak K., 1995. Epoka kamienia Polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa.

Kolosov A.V.

Kuleshov Mogilev State University, Mogilev, Byelorussia

e-mail: kolosov_arc@mail.ru

Cultural diversity in the Upper Dnieper region in the Mesolithic

The article discusses the problem of cultural and chronological interpretation of the Mesolithic sources in the Upper Dnieper region. Basing on the methods of comparative typological-technological analysis of the flint industry the author characterizes the materials of some Mesolithic cultures in the Upper Dnieper region. Abundant data on the Mesolithic collected during the large-scale excavations in the 1970s and 1980s enable essential progress in the field.

Generalized and systematized materials discovered in the late 1980s and early 1990s reveal some contradictions in the existing cultural-chronological schemes and mark a range of topical problems in the Mesolithic studies in the region under discussion. The interpretations of the Sozh and the Dnieper-Desna cultures based on their flint industry became rather debatable. The genesis of the Sozh and the Dnieper-Desna antiquities was interpreted as a result of merging of two cultural traditions: Grensk and Swidry within the Sozh culture (according to V.F. Kopytin and E.G. Kalechits) or Lingby and Swidry within the Dnieper-Desna culture (according to V.P. Ksenzov). The studies of the Mesolithic sites in the region proves that the attempts to single out local syncretic cultures as result of the mechanic mixture of the materials of different origin and chronology are groundless. It is shown that the Mesolithic population of the Byelorussian Sozh region was not homogeneous. During the Pre-Boreal and early Atlantic periods there lived groups of hunters attributed to the Mesolithic cultures of Pesochny Rov, Butovo, Kudlaevka and Yanislavitsa.

Oshibkina S.V.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: savanna_kasper@mail.ru

Ornaments, signs, and engravings on the objects of Veretye culture

Sites of Veretye culture are known in the Lake country, eastward from the Onega Lake, on the Boreal lakeshores of the Lacha Lake. The sites have yielded numerous decorated objects made of bone, antler, and wood. The collection comprises various ornamented artefacts, including weapons bearing personal signs, engraved images, and separate anthropomorphic and zoomorphic sculptures. The most numerous collection of objects of artistic value (over 70 items) originates from Veretye 1. Ornamented objects, or those bearing personal signs come from all sites attributed to the culture, though in smaller number, which depends, as a rule, on the investigated area. The tradition of ornamentation of weapons and tools continued till the end of Veretye culture, that is to the late Boreal — early Atlantic period.

Viskalin A.V.

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

e-mail: alvisk@mail.ru

Dynamics of climatic fluctuations and cultural processes in the Neolithic of the Volga-Ural forest-steppe

Comparison of dynamics of climatic fluctuations and changes in the Neolithic cultures of the Volga-Ural region shows certain dependences between these processes. During the periods of climatic warming, the region was occupied by the population of presumably southern origin, that settled the habitual steppe and forest-steppe landscapes. During the periods of cold snaps spreading of forest vegetation occurred, therefore the former population left the territory, instead there came the tribes related by their origin to the East European forest areas and the Urals region.